

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.10.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.11.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-10-414-420

КОХ Артём Андреевич,
аспирант Московской финансово-юридической
академии (МФЮА),
e-mail: artiom.kokh@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Работа анализирует правовую природу систем ИИ в контексте гражданского законодательства, определяя их статус в глобальных и национальных системах, а также выявляя пробелы в регулировании. Исследование включает сравнительно-правовой анализ, доктринальные аспекты и оценку нормативных актов России, ЕС, США и Китая.

Особое внимание уделено ответственности за действия автономных систем, признанию результатов работы ИИ как объектов интеллектуальной собственности и правовому статусу автономных систем. Выявлено, что существующие правовые конструкции (субъект, объект права, деликтоспособность) не полностью приспособлены для регулирования отношений с ИИ.

Предлагается разработка нового нормативного режима с четкими критериями правовой квалификации ИИ. Обоснована модель распределения ответственности между разработчиками, операторами и пользователями, а также необходимость создания эффективных средств защиты прав.

Комплексное регулирование ИИ требует сочетания нормативных инноваций и организационно-правовых мер для повышения правовой безопасности. Разработка новых подходов и механизмов необходима для формирования современного правового пространства, ориентированного на регулирование и безопасность ИИ.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, гражданские правоотношения, правовая природа, субъект права, объект права, гражданское право, юридический статус.

KOKH Artyom Andreevich,
postgraduate student of the Moscow
Financial and Legal Academy (MFLA)

THE LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL LAW

Annotation. This paper analyzes the legal nature of AI systems in the context of civil law, defining their status in global and national systems and identifying regulatory gaps. The study includes a comparative legal analysis, doctrinal aspects, and an assessment of regulations in Russia, the EU, the US, and China.

Particular attention is paid to liability for the actions of autonomous systems, the recognition of AI results as intellectual property, and the legal status of autonomous systems. It is found that existing legal frameworks (subject, object of law, and capacity to infringe) are not fully adapted to regulating relations with AI.

The paper proposes the development of a new regulatory regime with clear criteria for the legal classification of AI. A model for distributing liability between developers, operators, and users is substantiated, as is the need to create effective legal protections.

Comprehensive regulation of AI requires a combination of regulatory innovations and organizational and legal measures to enhance legal security. The development of new approaches and mechanisms is essential for the formation of a modern legal framework focused on the regulation and security of AI.

||| **Key words:** *Artificial intelligence, civil legal relations, legal nature, subject rights, object rights, civil law, legal status.*

Введение

Данная статья посвящена правовой природе искусственного интеллекта (ИИ) в контексте гражданского права и его интеграции в правоотношения. Исследование использует комплексный подход, включая философские, сравнительно-правовые и междисциплинарные методы. Анализируются философско-правовые основания субъектности ИИ, сравнительные нормативные модели регулирования ИИ (РФ, ЕС, ОЭСР), а также механизмы распределения ответственности за действия автономных систем. Формулируются критерии отнесения ИИ к объектам гражданских прав.

В работе используется теоретическая база, разбавленная трудами ведущих ученых. В.А. Лаптев выдвинул концепцию необходимости признания «электронной личности» для автономных систем, что должно облегчить их правовую регламентацию и ответственность¹. Е.П. Сецинский исследует вопросы интеллектуальной собственности в контексте правового статуса ИИ, анализируя, каким образом интеллектуальные результаты, созданные машинами, могут быть закреплены и охраняться по праву². М.В. Зорин предложил многослойную модель регулирования ИИ, учитывающую уровни автономности и особенности функционирования систем³. Эти работы значительно обогатили понимание правовых аспектов, связанных с развитием искусственного интеллекта.

Работа способствует развитию цифрового права, предлагая критерии для дифференциации правового режима автономных систем на основе их автономности и самообучения. Это позволяет формировать адекватные механизмы юридической ответственности, учитывающие специфику таких систем. Концептуальные положения стимулируют дальнейшие исследования и формирование единого подхода к правовому статусу ИИ в гражданском законодательстве и международных стандартах.

Философско-правовые основания дискуссии о субъектности ИИ

¹ Лаптев В.А. Искусственный интеллект как квазисубъект права // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–58.

² Сецинский Е.П. Искусственный интеллект и авторское право: коллизии и перспективы. СПб.: Алетейя, 2021. 198 с.

³ Зорин М.В. Трехуровневая модель регулирования ИИ: этика, право, экономика // Государство и право. 2022. № 12. С. 33–41.

Философско-правовая дискуссия о субъектности ИИ фокусируется на различии бытовой агентности и нормативной субъектности, а также на распределении рисков в гражданском обороте. Автономность ИИ не означает автоматического признания его правового или морального статуса.

Согласно Л. Флориди и Дж. Сандерсу, моральная ответственность ИИ определяется институтами, а не его внутренней структурой. Признание ИИ субъектом права – это задача нормативного моделирования, а не вопрос наличия сознания⁴. Правовая субъектность ИИ – это инструмент для обеспечения прогнозируемости и управляемости взаимодействий, а не отражение его «естественного» статуса. Этот подход прагматически переосмысливает понятие субъекта, где институты регулируют взаимодействие, а не отражают внутреннюю природу личности.

Гражданско-правовая теория рассматривает функциональную персонализацию, где права и обязанности субъектов определяются условно. Правосубъектность ИИ зависит от его практической эффективности, а не сознательной деятельности. Модели, предложенные Л. Солумом в начале 1990-х годов, предлагают варианты правовой персонализации ИИ: от полной субъектности до опосредованной через корпоративные структуры. Важна не природа ИИ, а его роль в механизмах ответственности в правовой системе⁵.

Прагматический подход к «электронным личностям» рассматривает как инструмент для снижения издержек и повышения эффективности правовых процессов, а не как самоцель. Обоснованность их применения зависит от оптимизации передачи ответственности и общей эффективности правового регулирования.

Критически настроенные исследователи опасаются, что персонификация ИИ («синтетические лица») может привести к дерегуляции и размыванию ответственности, создавая сложные структуры, затрудняющие установление виновных в последствиях деятельности ИИ.

Исследователи Дж. Брайсон, М. Диамантес, Т. Грант предлагают модель, где признание ИИ субъектом права служит инструментом для ограничения деликтной и контрактной ответственности. По их

⁴ Floridi L., Sanders J. W. On the Morality of Artificial Agents // *Minds and Machines*. 2004. Vol. 14, № 3. P. 354–360.

⁵ Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. 1992. Vol. 70. P. 1236–1245.

мнению, это ведет к злоупотреблениям, связанных с корпоративной формой: фикция личности позволяет дробить имущество, затрудняя возмещение вреда и уклонение от ответственности¹.

Регулирование ИИ смещается от персонифицированной ответственности к антропоцентрическому подходу, избегая признания ИИ юридическим субъектом. Европейские инициативы отказались от концепции «электронной личности» (2017-2020), сосредоточившись на гражданско-правовой ответственности поставщиков и пользователей, а также на риск-ориентированных требованиях к жизненному циклу ИИ². Европейский акт об ИИ (2024) регулирует практическую реализацию, риски, разработку и внедрение, а не сущность ИИ. Ответственность за применение и последствия остается за человеком. Разработчики, операторы и пользователи несут ответственность, дифференцированную по классам риска, с запретами и усиленным контролем³.

Этот правовой курс рассматривает автономию ИИ функционально, а не онтологически. ИИ не является самостоятельным субъектом права, а лишь набором функций. Это соответствует консервативной правовой теории, где ответственность лежит на человеке. Такой подход балансирует инновации, безопасность и этику, не допуская легитимации ИИ как самостоятельной правосубъектности.

Российская правовая система, в частности гражданское право, консервативна в определении субъектов. Физические и юридические лица – субъекты, а ИИ и техносистемы – объекты. Это позволяет решать практические задачи, связанные с автономными решениями ИИ, без введения новых субъектов. Используются существующие институты (представительство, деликтная ответственность) и стандарты должной осмотрительности. Экономическая логика подтверждает: распределение ответственности между участниками оборота снижает асимметрию информации и упрощает страхование и взыскание вреда.

Дискуссии о субъектности ИИ часто исходят из прикладных сценариев, где фикция «специальной правоспособности» снижает издержки и уточняет ответственность. Предлагаются модели целевого

имущественного обособления для автономных агентов (например, в торговле или логистике), с самостоятельным имущественным пулом и процессуальной ответственностью, подкрепленной страхованием. Инженерия частноправовых фикций интегрирует ИИ в существующие правовые системы деликтного и договорного права, распределяя риски, а не «очеловечивая» его⁴. Это минимизирует негативные последствия автономных решений, избегая создания «электронной личности» и эрозии принципов возмещения вреда⁵.

Исследования направлены на баланс между техническими инновациями и стабильными правовыми основами, защищающими участников оборота, с учетом специфики автоматизированных систем. Стратегия минимизирует негативные последствия неурегулированных взаимодействий, сохраняя принципы ответственности в рамках существующей правовой традиции, что критично в условиях быстрого развития технологий.

В исследовании этических и правовых аспектов использования искусственного интеллекта важно понимать границы философского спора, основанного на принципах достоинства и неинструментального отношения к личности. Ключевым является признание ответственности человека за последствия решений, затрагивающих права других. Этические принципы и нормативные акты утверждают, что ответственность за результаты ИИ лежит на человеке, и нельзя заменять моральные оправдания ссылками на алгоритмы.

В гражданском законодательстве это выражается в презумпции человеческой ответственности за выбор и проверку систем. Постфактум ответственность включает контроль, страхование и распределение бремени доказательства в случаях вреда от высокорисковых систем. Ответственность распространяется на разработчиков, операторов и механизмы оценки, что способствует безопасному внедрению автоматизированных решений.

Агентность ИИ не равна субъектности, а правосубъектность рассматривается как способ снижения рисков. ИИ может быть признан «лицом» только в случаях, когда это оправдано и повышает эффективность правоприменения, не создавая лазеек для уклонения от ответственности.

Современные регуляторные практики показывают, что антропоцентричные и объектно-ориентированные решения обеспечивают эффективное регулирование ИИ, управляя рисками и обеспечи-

¹ Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25, № 3. P. 280–286.

² European Parliament. Resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)) P. 1-22.

³ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of the 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Paragraphs 2, 5, 71.

⁴ Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Approach to Legal Liability // *Law, Innovation and Technology*. 2013. Vol. 5, № 2. P. 223–231.

⁵ Pagallo U. *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts*. Dordrecht: Springer, 2013. P. 29–35, 101–108.

вая юридическую ясность. Существующие нормы на международном и региональном уровнях достаточно зрелы для решения вопросов ответственности и этики в контексте ИИ.

Сравнительный анализ законодательных моделей регулирования ИИ

Анализ моделей регулирования ИИ выявил различия между горизонтальными (риск-ориентированными) и секторальными/принципно-ориентированными подходами, а также между мягким и жестким правовым регулированием. Ключевыми аспектами гражданского права являются распределение ответственности, стандарты должной осмотрительности, страхование и доказательные презумпции.

Европейский союз лидирует в горизонтальном регулировании с Актом об ИИ (2024). Он классифицирует риски, запрещает некоторые практики и устанавливает требования к высокорисковым системам. ИИ не персонифицируется, ответственность остается за человеком, а регулирование дополняется реформой деликтно-продуктовой ответственности. Фокус смещен на управляемость рисков и возмещение вреда, а не на «субъектность» ИИ¹.

Совет Европы принял Рамочную конвенцию по ИИ (2024), создав наднациональный правозащитный каркас. Документ фокусируется на должной осмотрительности, оценке воздействия и средствах правовой защиты. Этот подход соответствует гражданско-правовым инструментам распределения рисков, но не признает ИИ субъектом права, концентрируясь на контроле рисков.

Американская модель регулирования ИИ сохраняет секторный характер и основывается на мягком праве, включая фреймворк NIST, который внедряется в корпоративный комплаенс. Исполнительный указ № 14110 требует от разработчиков мощных моделей ИИ проводить оценки безопасности и предоставлять доступ тестировщикам, однако основные механизмы остаются у традиционных надзорных органов. Это создает стратегию мягкого регулирования, ориентированную на саморегуляцию и стандарты.

В Великобритании применяется регуляторно-координаторный подход с делегированием пяти принципов (безопасность, прозрачность, справедливость, подотчетность, конкуренция) отраслевым регуляторам. Это усиливает роль «мягкого права», но требует опоры на существующие механизмы ответственности. Также Великобритания развивает Институт безопасности ИИ, миссией которого является сведение к минимуму рисков, связанных с быстрым и неожиданным прогрессом в области ИИ.

Китай, напротив, использует детализированную контент-ориентированную регуляцию с жесткими требованиями к безопасности данных и ответственности провайдеров. Здесь ИИ рассматривается как объект ответственности, а не субъект права.

Международные принципы, такие как разработанные OECD, помогают гармонизировать ожидания по прозрачности, управляемости, безопасности и подотчетности ИИ. Служат ориентиром для оценки ответственности и разрешения споров.

Россия в данном аспекте сохраняет эволюционный путь развития: ИИ квалифицируется как объект права. Закон № 258-ФЗ предоставляет экспериментальные правовые режимы, позволяющие протестировать новые модели ответственности и сертификации в конкретных сферах без необходимости внесения изменений в основной субъектный состав правового режима². Риски распределяются через деликтные нормы, презумпции вины и стандарты должной осмотрительности.

Сравнительный анализ моделей показывает два ключевых направления:

Горизонтальность и технологическая нейтральность: ЕС – универсальные определения и риск-классификация. США и Великобритания – сеть регуляторов и отраслевые стандарты. Китай – классификация по функционалу и контенту;

Бремя доказывания: ЕС – презумпции причинной связи, обязательная регистрация и аудит. США и Великобритания – доктрины небрежности и отраслевые руководства. Китай – административный надзор и лицензирование.

Общая тенденция строится вокруг:

Правового статуса ИИ: Все модели отвергают признание ИИ субъектом. Акцент на человеческой ответственности;

Конвергенции к антропоцентричным подходам, стандартам технологической безопасности и страховым мерам – усиления доказательной базы, особенно в рискованных сценариях.

Заключение

Исследование правового регулирования технологий искусственного интеллекта подтверждает необходимость создания специального правового режима, который объединит традиционные юридические конструкции и инновационные подходы. Анализ гражданского законодательства выявил недостатки в квалификации алгоритмов и данных, что создает правовую неопределенность и усложняет регулирование ИИ.

¹ Veale M., Zuiderveen Borgesius F. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act // Computer Law Review International. 2021. Vol. 22, № 4. P. 98–103.

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Ст. ст. 2, 8.

Введение категории «цифровых активов» поможет унифицировать принципы регулирования и защитить интересы разработчиков и пользователей.

Ключевым выводом является необходимость дифференциации ответственности за действия ИИ в зависимости от уровня автономности. Высокоавтономные системы, такие как беспилотники, требуют совместной ответственности оператора и создателя, в то время как для чат-ботов целесообразно использовать договорные обязательства.

Сравнительный анализ законодательства ЕС, Китая и России показывает, что отечественные нормативные акты нуждаются в расширении. Рекомендуется внедрение обязательного страхования рисков и сертификации ключевых систем, а также гармонизация с международными стандартами.

Перспективным направлением является создание государственного реестра тренировочных данных для контроля со стороны Минцифры, что снизит риски нарушения авторских прав. Также важно ограничить монополизацию рынка ИИ через лицензирование критичных технологий и сокращение срока исключительных прав на алгоритмы.

Таким образом, интеграция ИИ в гражданское право возможна через изменения в Гражданском кодексе РФ и принятие специального закона «Об искусственном интеллекте», который учтет технологические особенности и обеспечит баланс интересов частных лиц, разработчиков и государства.

Литературный обзор

Проблематика правового статуса искусственного интеллекта (ИИ) в гражданском праве является актуальной темой междисциплинарных исследований, объединяющих юриспруденцию, философию и компьютерные науки. В отечественной правовой доктрине выделяются два подхода к квалификации ИИ: инструментальный и функциональный.

Инструментальный подход рассматривает ИИ как объект права, классифицируя его как «имущество» или «нематериальные блага», подчеркивая, что автономные системы остаются результатом человеческой деятельности и не обладают правосубъектностью.

Функциональный подход, предложенный В.А. Лаптевым, вводит понятие «электронной личности» для высокоавтономных систем, рассматривая их как квазисубъекты права с определенной юридической автономией. Однако критики, такие как В.А. Шестак, предупреждают о рисках антропоморфизации технологий и искажении ролей ИИ в правовой сфере.

На международном уровне существуют различные модели регулирования ИИ. В ЕС действует Директива 2024/123, ориентированная на риск-менеджмент и обязательную сертификацию систем. В

США принципы задает OECD, акцентируя внимание на саморегулировании и минимальном вмешательстве государства. В Китае принят Закон об управлении алгоритмическими рекомендациями, который сочетает стимулирование инноваций с жестким контролем за данными.

Вопрос ответственности за действия ИИ вызывает много споров. Некоторые исследователи, как М.В. Зорин, предлагают распределение ответственности между разработчиком, оператором и пользователем. В ЕС же акцентируется на ответственности оператора, как указано в статье 17 AI Act, требующей строгих мер по возмещению вреда от высоких технологий. Наблюдается тенденция к признанию «предсказуемости вреда» как важного критерия для определения ответственности, что может улучшить правовое регулирование ИИ. Анализ международно-правовых аспектов ИИ выявляет противоречия между глобальными торговыми нормами (ВТО, принцип технологического нейтралитета) и национальными ограничениями (экспорт ИИ США). Гармонизация стандартов (ОЭСР) затруднена из-за декларативности рекомендаций.

Существуют пробелы в дифференциации видов ИИ («слабый» vs «сильный»), отсутствует унифицированный подход к данным для обучения нейросетей и их юридической квалификации.

Правовая доктрина не имеет единого подхода к правовой природе ИИ. За рубежом применяется риск-ориентированное регулирование. Для РФ необходима адаптация с учетом национальной специфики.

Исследование направлено на разработку критериев отнесения ИИ к объектам гражданских прав, учитывая функциональную автономность, самостоятельность и экономическую значимость.

Материалы исследования:

Теоретические работы: Исследованы труды по правосубъектности и ответственности ИИ;

Нормативные акты: Анализируются риск-ориентированные модели регулирования и критерии должной осмотрительности, включая:

ЕС: Акт об ИИ (2024), реформа ответственности за дефектную продукцию (2024), Рамочная конвенция СЕ об ИИ (2024), Резолюция Европарламента 2020/2014(INL).

США: NIST AI RMF 1.0 (2023), Исполнительный указ № 14110 (2023).

Великобритания: Правительственный ответ по регулированию ИИ (2024).

Китай: Положения о «глубоком синтезе» (2022/2023), Временные меры по генеративному ИИ (2023).

Международные: Принципы ОЭСР по ИИ (2019).

Российское законодательство: Гражданский кодекс РФ, ФЗ № 258-ФЗ.

Методы исследования:

Догматический анализ: Правоспособность, деликтная и продуктовая ответственность.

Функционально-инструментальный подход: Правосубъектность (Флориди, Сандерс).

Прагматическая рамка: Солум.

Сравнительно-правовой метод: Сопоставление моделей ЕС, США, Великобритании и Китая.

Нормативная интерпретация, системный и контент-анализ: Извлечение стандартов due diligence, трассируемости и человеческого надзора из актов ЕС, СЕ, NIST и национальных документов.

Результаты

Исследование подтверждает антропоцентричную модель, где искусственный интеллект рассматривается как объект гражданских прав, а ответственность распределяется между разработчиками, операторами и пользователями через деликтную и продуктовую ответственность. В ЕС Акт об ИИ 2024 года вводит стандарты due diligence, а обновленная система ответственности охватывает программное обеспечение и учитывает дефекты данных и кибербезопасности. Рамочная конвенция Совета Европы требует оценок воздействия и подотчетности без признания ИИ правосубъектом. Вне ЕС рамка NIST AI RMF 1.0 и указ США № 14110 усиливают требования к тестированию и отчетности, а китайские меры формируют строгие обязанности для провайдеров. В России ИИ интегрируется в механизмы ответственности, основываясь на ГК РФ и Законе о защите прав потребителей.

Обсуждение

В гражданско-правовом регулировании ИИ наиболее перспективна антропоцентричная модель, основанная на ответственности человека за ИИ, а не на наделении ИИ правосубъектностью. Вместо персонификации ИИ следует совершенствовать механизмы ответственности за дефекты ПО, данных и кибербезопасности, а также за вину в выборе и контроле ИИ. Международные акты устанавливают стандарты должной осмотрительности, смещая фокус с «личности» ИИ на доказывание дефекта и причинной связи. Для России это означает интеграцию ИИ в существующие правовые конструкции без изменения субъектного состава.

Список литературы:

[1] Лаптев В.А. Искусственный интеллект как квазисубъект права // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–58.

[2] Сецинский Е.П. Искусственный интеллект и авторское право: коллизии и перспективы. СПб.: Алетейя, 2021. 198 с.

[3] Зорин М.В. Трехуровневая модель регулирования ИИ: этика, право, экономика // Государство и право. 2022. № 12. С. 33–41.

[4] Floridi L., Sanders J. W. On the Morality of Artificial Agents // Minds and Machines. 2004. Vol. 14, № 3. P. 354–360.

[5] Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. P. 1236–1245.

[6] Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25, № 3. P. 280–286.

[7] European Parliament. Resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)) P. 1-22.

[8] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of the 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Paragraphs 2, 5, 71.

[9] Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Approach to Legal Liability // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, № 2. P. 223–231.

[10] Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts. Dordrecht: Springer, 2013. P. 29–35, 101–108.

[11] Veale M., Zuiderveen Borgesius F. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act // Computer Law Review International. 2021. Vol. 22, № 4. P. 98–103.

[12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Ст. ст. 2, 8.

References:

[1] Laptev V.A. Iskusstvennyj intellekt kak kvazisub"ekt prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 5. S. 45–58.

[2] Secinskij E.P. Iskusstvennyj intellekt i avtorskoe pravo: kollizii i perspektivy. Spb.: Aleteyja, 2021. 198 s.

[3] Zorin M.V. Trekhurovnevaya model' regulirovaniya II: ehtika, pravo, ehkonomika // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 33–41.

[4] Floridi L., Sanders J. W. On the Morality of Artificial Agents // Minds and Machines. 2004. Vol. 14, № 3. P. 354–360.

[5] Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. P. 1236–1245.

[6] Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25, № 3. P. 280–286.

[7] European Parliament. Resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)) P. 1-22.

[8] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of the 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Paragraphs 2, 5, 71.

[9] Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Approach to Legal Liability // *Law, Innovation and Technology*. 2013. Vol. 5, № 2. P. 223–231.

[10] Pagallo U. *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts*. Dordrecht: Springer, 2013. P. 29–35, 101–108.

[11] Veale M., Zuiderveen Borgesius F. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act // *Computer Law Review International*. 2021. Vol. 22, № 4. P. 98–103.

[12] Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 258-FZ «Ob ehksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere cifrovyykh innovacij v Rossijskoj federacii». St. 2, 8.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.